

• сказки странных детей •

Джиллиан

ДЕТСКИЙ САД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д41

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Серия «Сказки странных детей»

Художественное оформление – *Василий Половцев*

Внутреннее оформление – *Ирина Гришина*

Джиллиан.
Д41 Детский сад : [фантастический роман] / Джиллиан. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Сказки странных детей).

ISBN 978-5-17-100336-4

В этом мире маги-экспериментаторы доигрались, и оживлённые магией машины убили своих создателей, а теперь, самовоспроизводясь, идут во все стороны, сея смерть живым существам.

В этом мире прячется мальчишка, которого боятся даже правители города.

Нашу современницу выдернули в пригород осаждённого города и некоторое время наблюдали за нею. Вот только вместо того чтобы искать опасного мальчика, девушка начинает собирать в пригороде бездомных детей. И вскоре в магически защищённой от машин-убийц деревне появляется небольшой, но очень странный детский сад.

УДК 821.161.1-312.9
84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100336-4

© Джиллиан, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Быстрое шлёпанье босых ног по сухому асфальту отдавало ритмично шуршащим эхом в стены пустых высотных домов. Переулок был небольшим, и в темноте наступающей ночи чёрные тени от зданий почти скрывали маленькую фигурку — мальчишки лет десяти. Бежал он уже давно, слыша за спиной то близкий, то словно уходящий назад гул моторов. Преследователи иной раз теряли плывущий в пространстве след, но, притормаживая и прислушиваясь, быстро восстанавливали его.

Между последними домами, перед следующей большой дорогой, маленький беглец тоже остановился — отдышаться. Теперь, когда он позволил себе небольшую остановку, саднящие порезы на лице ощутились уже приглушённой, ноющей болью. Кровь на них застыла и, засыхая, стянула края порезов. Но всё равно — больно, очень больно. И страшно. Мальчишка вздохнул, но прерывистое от бега дыхание превратило вздох в горестный вскрип. Прислушался к себе. Сбитые об асфальт ноги дрожат, но пока бежать он может. Ещё немного — и будет в безопасности. Добраться бы только до реки. Эти даже на мост побоятся въезжать...

На шорох слева он подпрыгнул, мгновенно разворачиваясь и так же мгновенно пригнувшись. Секунды лихорадочно осматривал здание, стараясь уловить бьющее по глазам синее сияние. Но торец дома был тих и тёмн, как

и пространство вокруг него. Больше шорохов не слышалось, зато в установившейся тишине уверенно нарастало гудение моторов.

Оглядевшись и чутко прислушавшись к пустынным улицам, мальчишка подавил новый вздох и рванул с места.

...Вчера на этой витрине висели джинсовые шмотки. А сегодня здесь небрежно навалены огромные картонные коробки, из-за чего за стеклом пусто и пыльно.

Лена нерешительно подошла, изображая любопытство и пряча от самой себя нежелание идти домой. В громадной витрине отражалась вечерняя улица середины ноября. Себя не рассмотреть. Виден лишь силуэт. Длинная куртка, бесформенные джинсы; взлохмаченные на ветру, плохо собранные волосы; обвисшая сумка, с которой вышла в продуктовый магазин и которая привычно набита бог знает чем... За спиной деловито мельтешат люди — тенями, чуть искажёнными витринным стеклом; время от времени проезжают машины... Домой не хочется. Если б не хлеб, который домашние так и не удосужились купить... Впрочем, что уж — не удосужились? Прекрасно знали — есть кому сходить, пусть и после работы... Подождут. Она же, защищённая с этой стороны здания от резкого, пронизывающего ветра, может постоять, подумать о привычном.

Никчёмность. Нереализованность. Даже думать не хочется о том, что могла бы!.. А вот проехали. А ведь было бы!.. А вот фиг...

В последнее время её улыбка, которую раньше называли шаловливой и плутовской, слишком быстро превращается в гримасу горечи... После смерти матери, продав неожиданно пустую квартиру и оставшись в семье брата, Лена часто думала: лучше бы не продавала. На каторгу надо было пойти, чтобы денег хватило на квартплату, но не продавать...

Под ногой хрустнул лёд сероватой лужицы.

Хватит нытья... Сосредоточься на... Что за серовато-белые мёрзлые точки на пыльной витрине? Машина проехала, грязью обдав, а потом всё замёрзло?.. Сыграть, что ли? Как в детстве. Провести от одной точки линию к другой. А от этой — к третьей.

Лена замерла. Первые точки соединились легко. Но потом... Она же хотела провести линию к точке выше! А рука вдруг, как будто на неё мягко нажали, опустилась вниз. Странный узор получился... Хм. Пыталась руку от стекла отвести, а она продолжает выписывать корявые линии. И внезапно — точка. Руку позволили опустить. Лена отступила. Что получилось? Странные буквы. Странные письмена. Не прочитаешь... Разве что интуитивно чувствуешь — от этих каракулей исходит опасность...

Витрина неожиданно взорвалась — с грохочущим звоном, словно в неё швырнули целую кучу камней! За спиной — визг и крики. Зажмурившись от страха, Лена одновременно вскинула сумку, чтобы защитить голову, и метнулась — бежать!

И будто в пружинистую преграду упёрлась. Не пускают?! Кто?! Но... Боли нет. Ни одного пореза на лице или на руках... Опустила сумку, опасливо выглянула... И впрямь — все осколки мимо. Но сколько их!.. И все летят в страшном взрыве, только странно как-то — медленно. Каждый осколок разглядеть можно, а то и потрогать...

А из рвано растущей — звеняще разлетающимся осколками под ноги! — стекольной дыры внезапно вылетела когтистая лапа, вцепилась в куртку на груди и рывком подтащила Лену к себе. Вскрикнув от ужаса и отворачиваясь, чтобы не врезаться лицом в торчащие осколки, отчаянно жмурясь в ожидании боли («Не надо! Пожалуйста! Не надо!»), девушка услышала чудовищное пронзительное шипение:

— Никчёмная, говориш-шь?.. Тут такие и нужны!

И её со страшной силой рванули к дыре, скалившейся клыкастыми краями...

Она пронзительно закричала.

И грохнулась на колени, охнув от боли, между огромными камнями, почти чёрными — в сумерках!

... Пришла в себя. Левая нога горела. Нетрудно догадаться: синячище ожидается немереный. Слава богу, кажется, всё-таки не сломала...

Лена поднялась и неуверенно огляделась. Вечер. Как тот, из которого только что выпала сюда. Но... сюда — это куда? И здесь темней. Потому что света нет. Но даже без освещения Лена разглядела: вокруг не камни. Искорёженные плиты асфальта, уродливо выломанные из дороги. Будто чудовищный трактор пропахал.

Так где же она?

Дорога, широкая и длинная. С обеих сторон глухие парапеты. Впереди и сзади сплошь странные кучи, заросшие, оплетённые травой. Далеко впереди высотные дома — серые на фоне тёмно-синего неба и будто вылезающие из чёрных скал. Приглядевшись, Лена со страхом поняла: каждое из зданий обросло ползучими травами или кустарниками, а зелень издалека и ближе к ночи обычно видится чёрной... Пригород? И ни одного огонька в домах. Казалось бы, безо всякой связи с представшим пейзажем Лена вспомнила, что на дне сумки валяется небольшой складной нож. Однажды ходила в лесопарк — за грибами, а потом забыла выложить... оружие. Так что... Сунулась в сумку и, нашарив нож, переложила в карман куртки.

Только немного успокоилась и почувствовала себя менее уязвимой, как снова замерла, забыв дышать.

Пока возилась, шуршала одеждой и предметами в сумке, не сразу заметила, что и вокруг много шорохов. Во-первых, за высокими парапетами слышны всплески, которые затем рассыпаются в беспорядочно мелкий шумок. Во-вторых, оттуда же доносятся короткие тихие звуки, явно издаваемые живыми существами. Лена почему-то сразу уверилась, что существ много... И запахи — терпкие

запахи гниющей рыбы и водорослей, облепивших сырой бетон.

Соединила всё вместе. Это не дорога. Это мост. Огромный. И снова испугалась. Место открытое, и бежать некуда, произойди что...

Она подтянула к себе сумку. Первая мысль — снимают дурацкую передачу, типа «Жизнь за стеклом». Сунули неподготовленного человека в глупую ситуацию и смотрят, как он себя поведёт. Если сделает что-то неловкое, будет идиотский закадровый смех.

— Глупо, — шепнула она, лишь бы услышать свой голос. И сразу вспомнила, потрогала лицо. Ни царапин, ни крови. Значит, когда втаскивали сюда, о стекло не порезалась? Крови — чуть-чуть, и только на ладони. Рассекла, пока падала.

Втаскивали? Значит... Всё-таки это было?

Домой бы. В мирный покой привычного бытия. И нога всё ещё болит... Кажется, именно боль, которая постоянно отвлекает, и притупила острый страх перед неизвестным...

Что ж... Неизвестно, где она оказалась (эхом вспыхнуло злорадное шипение: «Тут такие и нужны!»), но время — к ночи. Надо оглядеться, найти безопасное место и переночевать. А утром, когда будет светлей...

Напряжённо всматриваясь в густеющие чёрные тени, зашагала к домам, медленно и с опаской. Как бы не провалиться куда-нибудь.

Пару раз чуть не попала в ловушки — в трещины, спрятанные под травами или кустарниками, окутанными вечерним сумраком... Один раз шагнула — а из-под ноги с негодующим писком кто-то вышмыгнул. Еле сердце уняла... Взглянула на небо. Низкие тучи тоже наполнились густой тьмой. Не попасть бы под дождь.

Последнее соображение заставило поторопиться. Пусть дома и выглядят обезлюдевшими, но ливень, например, лучше переждать под крышей.

По ощущениям, шла довольно долго. Раз взглянула на старенькие наручные часы, но циферблата не увидела.

Можно, конечно, посмотреть и при свете: в сумке есть газовая зажигалка. Только вот на открытом пространстве как-то не хочется светиться — во всех смыслах. Вспомнив про сумку, Лена слегка встряхнула её, тяжёлую, и впервые с благодарностью вспомнила о родных: нет, они молодцы, что забыли купить хлеб!.. И передёрнула плечами. Здесь, кстати, не слишком жарко... Может, параллельный мир? Или будущее? А если прошлое?.. Вот ужасно... В «Жизнь за стеклом» как-то уже не верилось. Снова в ушах зашипело: «Никч-чёмная...»

Ближе к концу моста Лена зашагала быстрее: дорога ровней и чище, травы почти нет. И возблагодарила своё дурацкое для всех остальных пристрастие к высоким ботинкам на толстой подошве. Брат с женой всё морщились — неженственно, а Лена возражала — практично. Зато как шагалось в удобной обуви сейчас!.. Мягко, плавно. Ушибленная нога почти и не болела.

Перешла с моста на дорогу, положенную по насыпи, пересекла её. Уже медленней, остерегаясь неизвестно чего, подкралась к ближайшему дому. Окна первого этажа, с выбитыми стёклами, зияли пустотой и мраком — бездонной пропастью.

Нерешительно остановилась. Как идти: прижимаясь к стенам, чтобы её не видели с дороги, или наоборот — подальше от окон? А вдруг из них кто-нибудь выпрыгнет? Хотя выбор невелик: ближе к стенам — мусору-у... И по большей части битое стекло, строительный хлам. По нему идти — себя обнаружить сразу: хруст, дребезжание... Машинально похлопала по карману, проверяя нож, и сделала первый шаг.

Затаив дыхание, она двигалась вдоль дома, наверное, минут двадцать — длинным оказался. Следующий — такой же. Зато подъездами — страшными чёрными провалами — выходил на дорогу. И под окнами первого этажа дорожка довольно чистая — даже страшно стало, почему бы это. Хотя шагать можно, не спотыкаясь...

И правда, пусто везде. Что тут было? Война?

Осторожно подошла к подъезду с полуоткрытой дверью. Приблизилась к порогу. Постояла у чёрного проёма, изо всех сил напрягая слух. Тишина. И жуткое ощущение пустоты. Показалось, внутренности у здания вообще нет — только стены...

Она ещё долго сомневалась, войти ли, поискать ли место для ночлега. А на улице совсем стемнело. Соседнего дома через дорогу почти не видно.

Внезапно насторожилась: уже привыкшая вслушиваться, различила странный, пока слабый звук. Он-то и заставил её шмыгнуть за дверь, в темноту здания. Здесь она застыла: пустота за спиной и нос к носу — чёрная дверь, в ручку которой она вцепилась, поспешно нащупав её... Вцепиться-то вцепилась, а руки всё равно от страха ходуном ходят — дрожь не остановить.

Ровно нарастающий гул, кажется, в три гудящие ноты, постепенно накатывал на дорогу. Не со стороны реки, а из города. В этом сильном гудении был слышен четвёртый, слабый, странно диссонирующий с первыми звук — подпрыгивающий, жалобный. Не сводя глаз с улицы, Лена отставила сумку в сторону, стараясь примерно запомнить — куда.

А гудение приближалось — вместе с тем прыгающим тоненьким подвыванием.

Теперь к звукам добавился суховатый стук по дороге, еле слышным эхом отдающийся в стены. Лена чуть высунулась из-за двери... Прижимаясь к стене дома, прихрамывая, в её сторону бежала маленькая фигурка. Она-то как раз и подвывала.

Сердце подпрыгнуло больно-больно, когда из-за угла дома вывернули мощные огни и шарахнули ослепляющим белым потоком по дому напротив, а затем, развернувшись, ударили светом по дороге и полетели по ней. Мотоциклы?! Но из-за мощных фар они сейчас казались чёрными чудовищами...

Фигурка всё бежала — и теперь Лена расслышала детское хныканье. Бежал ребёнок, который задыхался

от усталости и плакал от страха, что его вот-вот догонят.

Ничего не понимая, Лена приготовилась. Мотоциклисты приближались, и до беглеца им оставалось совсем немного. Правда, тот мчался вдоль стены здания и в темноте. Сообрази преследователи осветить дом...

Белые полосы заливали дорогу, ослепляя, но Лена разглядела-таки, что мотоциклистам до её подъезда — несколько секунд. Зато ребёнок уже пробежал мимо.

Она стремительно шагнула вперёд. Резко выбросила руку в темноту и, схватившись за плечо беглеца, под его дикий, почти звериный визг пойманного (хорошо — в мотоциклетном гудении не слышно!), рывком втянула к себе, за дверь. Был миг — Лена испугалась, что ребёнок вылетит из собственной одежды: так натянулась, потрескивая, непрочная ткань. Но всё-таки прижала его к себе:

— Тихо!

Ребёнок снова взвизгнул, как пойманный зверёныш. Он вцепился в её руку, отдирая её от себя, а потом сильно дёрнулся — бежать. Сама перепуганная, Лена поневоле, совсем не желая того, шлёпнула его по губам, обрывая крик. Стремительно наклонилась к уху:

— Тихо... Тихо... Я тебе ничего не сделаю.

Только секунды спустя дошло, что он, наверное, и не понял её. Ведь, возможно, в этом мире говорят на неизвестном ей языке...

Тяжёлое дыхание. Напряжённые худенькие плечи под её руками медленно опали, почти расслабляясь. Она почувствовала, как он повернулся взглянуть на неё. Убрала руку с дрожащего рта, погладила по голове. Другую оставила на тонком плече... Какой маленький. Совсем ребёнок. Лет семь есть ли? Она чувствовала под пальцами лихорадочно трепещущий пульс беглеца, и казалось, что он бьётся в одном ритме с её. Господи, сердце от страха зашлось не только у неё...

На мгновение свет фар попал в подъезд — и у Лены перехватило дыхание, когда она увидела запрокинутое

к ней лицо. Да, детское. Но исполосованное страшными, вспухшими царапинами, словно из кожи пытались нарезать... Что нарезать?!

Свет уехал из подъезда, зато затормозили мотоциклисты. И тут Лена ещё сильнее прижала к себе мальчика, уже послушного её движениям. Преследователи остановились недалеко, перед соседним подъездом, приглушив свет и явно пытаясь рассмотреть, куда же делся беглец.

От опасливого наблюдения за мотоциклистами отвлёк мальчик. Вцепившись ладонями в её поддерживающую руку, он что-то жалобно, даже умоляюще спросил — что-то неразборчивое в гудении трёх машин.

— Да-да, — рассеянно покивала Лена, не спуская с мотоциклистов глаз.

И не закричала, а замычала от ужасающей боли только потому, что успела теперь прихлопнуть ладонью рот самой себе: мальчишка впился зубами в её руку, чуть выше кисти. После первого шока до неё дошло, что он, прокусив ей кожу, высасывает из раны кровь... И она ничего не может с этим поделать. Ведь, попытайся она отодрать его от себя, движение привлечёт внимание с дороги: свет еле-еле, но проникал сюда. Преследователи ребёнка показали страшней, чем укус. Их больше, и они взрослые — одной не справиться с ними... И она собралась с силами — выдержать боль. Полная ненависти к подловившему её в ситуации-западне страшному мальчишке.

Только часы спустя, как показалось, боль слегка притупилась. И, хотя пальцы прокушенной руки похолодели, Лена уже могла выдерживать ощущение, тянущее воспалённым зубным нервом. И могла соображать. Мальчишка — вампир?! И теперь вампиром (по многочисленным сведениям из книг и фильмов) станет она сама?!

Когда он вынул зубы из её плоти (она снова ощутила это, как будто из руки тупо тянут жилы или нервы), он, как ни странно, не облизал, а погладил место укуса и снова поднял к ней лицо. Лена, стараясь дышать спокойно, мед-

ленно опустила руку, которую дёргало от тупой боли. Кажется, теперь он не собирался сбежать. Успокоившись, она осторожно заглянула в его лицо. И снова оцепенела. Ни одной царапины. Ровная кожа без единого повреждения... Это что? Он пил её кровь, чтобы... Чтобы излечиться?

Мельком она вспомнила: он спросил о чём-то, прежде чем укусить. Она кивнула и ответила утвердительно. Значит... Он просил разрешить ему... и она согласилась?

Потом разберёмся.

Но как больно до сих пор...

Тем временем на дороге зашевелились. Трое развернули угрожающе гудящие машины так, чтобы пустить свет по всем направлениям. Опять мазнуло светом по их дому. Лена отступила было в темноту, но теперь мальчишка вцепился в её куртку, останавливая с характерным, навверное, для всех народов: «Ш-ш...»

И опять мельком: а как говорить? На каком здесь говорят языке?

Мальчишка вдруг попятился — так внезапно и так явно забывшись, что наступил на ногу Лены, стоящей за ним. Сначала не испугалась. Она в ботинках, а мальчишка, как сейчас выяснилось, босиком. Но чего он боится?..

Маленький беглец тем временем, сообразив, куда идёт — во тьму подъезда, снова машинально шарахнулся к Лене. Она обняла его. Он стремительно развернулся и буквально влепился — лицом в её живот. А потом повернул голову, словно боялся и не смотреть... На что?..

Судя по подбородку, он поднял голову, чтобы смотреть вверх. Лена взглянула, отыскивая глазами... И оцепенела.

Мотоциклисты сидели на своих ревущих машинах уже лицом к их дому. Кажется, они собирались приблизиться к их подъезду, а может, обшарить все подъезды подряд... Но взгляд Лены был направлен не на них.

С крыши дома напротив, за их спинами, сползло нечто.

Прозрачное, оно тускло блестело каким-то не освещающим, а замкнутым на себе сиянием. Такое Лена видела,

лишь когда зажигала конфорки на газовой плите. Туманно-синий цвет, режущий глаза.

Дом напротив — многоэтажный, с пропадающим в ночном небе последним этажом. И ЭТО сползало, исчезая краями — и сверху, с крыши, и по сторонам здания, продолжая равнодушно сиять холодным, убивающим глаза тусклым светом. А мотоциклисты тихо переговаривались, не подозревая, что у них за спиной...

Мальчишка судорожно всхлипнул. Лена пришла в себя. Плюнула на всё, повернула его к себе лицом. И, подхватив под мышки, обняла так, чтобы он тоже смог обнять её. Вампир не вампир, но он знает, что это такое... Знает и боится — страшно боится. Значит, ребёнок не должен видеть чудовища... А сама молилась: не знаю, что будет делать это страшное прозрачное покрывало, только — Господи, помоги! — пусть оно до нас не долезет, не доползёт!

Её движение защитить мальчишка понял: крепко, чуть не до удушья обнял её за шею, ткнулся лицом, холодным носом, ей в ключицу. А весу-то в нём — подумалось с жалостью, косточки ж одни...

Нечто скользило, словно ломаясь углом или стекая со стены ровным водопадом на узкие газоны под окнами дома, а затем — на дорогу. Преследователи тем временем уже, кажется, договорились, что будут делать, но... Край ЭТОГО оказался в нескольких метрах от них. Один мотоциклист, наверное, что-то услышал или почувствовал — оглянулся. Край «покрывала» мгновенно взвился в воздух и опустился на всех троих.

Ни крика, ни другого звука, который бы свидетельствовал о том, что происходит под мерцающим «покрывалом». Лишь ровное гудение моторов.

Лена от ужаса сама обняла мальчишку так, что он ойкнул. Но услышала она его придушенный стон как-то отстранённо... Если эта дрянь сейчас ползет уже на них...

Нечто медленно стекло с преследователей назад, к дому, с которого сползло. Мотоциклы валялись на дороге,